

СИБИРСКИЙ КАРНАВАЛ

О театре Сергея Афанасьева

Независимая газета. — 2000. — 21 янв. — с. 9, 15

Ольга Галахова

В ТЕАТРАЛЬНОЙ программе фестиваля «Культурные герои XXI века» принял участие Городской драматический театр (ГДТ) из Новосибирска, один из самых молодых театров, существование которого доказывает, что эффект новизны не только на пути постмодерна, авангарда или андеграунда. Первым в Москве на него обратил внимание Чеховский фестиваль: тогда они приехали в Первопрестольную со спектаклем «Дядя Ваня». За двенадцать лет своего существования вторая гастроль в столицу случилась сейчас, на фестивале «Правых сил».

На сцене Музея Высоцкого они показали спектакль по пьесе своего новосибирского автора Игоря Муренко «Шутки в глухомани». В тот единственный вечер, когда актеры начали играть в 22.00, ночной Москвы не побоялись наш замечательный художник Сергей Бархин и его жена, известная актриса Елена Козелькова, которые пришли полюбопытствовать на театрик из провинции. После они сказали не просто дежурные слова, им спектакль и вправду понравился: Бархин порадовался, что актеры не задуманы режиссурой, а режиссура не погибает от претензий завоевать мир; Елене Козельковой понравилось, что спектакль, при всей своей кажущейся лубочной простоте, отмечен изяществом и сложностью формы.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Десять лет назад стартовавшая горбачевская Перестройка сняла не только многие

идеологические запреты, но и открыла шлязы для всех тех, кто в брежневский Застой осознанно уходил в подполье, кому уютнее было существовать в андеграунде, свободнее — на интеллигентских кухнях, веселее — в котельных. Вся эта среда стала чем-то напоподобие старых мехов, в которых бродило молодое вино. На волне все той же Перестройки из подпольного или полуподпольного существования вышло на поверхность студийное движение. На этом витке возник и Молодежный театр в Новосибирске. Его бессменный руководитель **Сергей Афанасьев** полагал тогда (думаю, полагает и сейчас), что реформировать академические театральные бастионы не нужно. Профессиональным строителям известно, что реконструкция обходится значительно дороже, нежели здание, выстроенное заново.

Реанимировать со своими верными актерами профессиональный театр даже на уровне задачи афанасьевцы не хотели, а предпочли начать пусть с нуля, но со своего. Они не прогадали. По материально-жизненному уровню их и тогда, и сейчас можно смело приравнять к малообеспеченным слоям населения, норма для них — поест и закутить в баре в долг до зарплаты. Все это в России не только не нововещь, но и само собой разумеющееся положение вещей. Но все-таки не прогадали именно они, а не их кажушиеся более благополучными коллеги, пролетающие мимо на иномарках, умеющие с толком рассуждать «про это» и про то. Команда экс-Молодежного смогла создать один из самых интересных новых молодых театров в России.

Они отметили свое десятилетие в 98-м. За это время те, кто его строил, обзавелись детьми, а недавние выпускники театрального училища теперь уже преподают в alma mater сами, в том числе и своим детям. Прожив возраст одного поколения, новосибирская команда решила, что негоже оставаться молодыми, и переименовалась в государственный драматический театр не для солидности, а из скромности. К дате город дал новое помещение: кинотеатр «Победа» — теперь в распоряжении ГДТ. Залчик клуба «Октябрьской революции», где последние десять лет они каждый день выходили на сцену глубиной в четы-

ре метра и зрительным залом мест в 30 и где обжит каждый миллиметр, им предстоит сменить на зал в 160 мест и обжить, преобразить нетеатральное пространство советского кинотеатра в театр. Победить «Победу» будет непросто. Переезд состоялся, последний гвоздь вбивался за несколько минут до открытия. Но таких последних гвоздей понадобится еще немало.

Моя love story началась с этим театром в 94-м году. Новосибирский театр «Красный факел» организовал фестиваль имени Веры Редких, Гран-при получил тогда Молодежный. Будучи членом того жюри, могу засвидетельствовать, что для моих московских и петербургских коллег театр стал открытием. Отправляясь жарким майским днем на спектакль «Чайка» какого-то Афанасьева, мало кто из нас предполагал, что мы будем хохотать на Чехове так, как смеется публика на Жванецком и Задорнове... А потом мы будем сострадать героям так, как когда-то им сострадали, быть может, на тех мхатовских «Трех сестрах» или том «Вишневом саде».

За эти шесть лет, когда выпадала редкая возможность посмотреть спектакли Афанасьева в Новосибирске, приходилось ловить себя не столько на чувстве, сколько на счастье-предчувствии события, радостной встречи. Театр в этом театре живой, смешной и смешливый, детский и простодушный, печальный и глубокий. Все эти двенадцать лет они выросли, как люди, женились, рожали детей, которые уже учатся в той же театральной школе, влюблялись, сходились и расходились, инные уходили совсем и все же сумели сохранить в себе детское, наивное как художники. Не рискну утверждать, что они строили дом-театр. Какая-то доля мессианства, исключительности звучит у тех режиссеров, которые смело утверждают, что они строят театр-дом, театр-храм, в котором на самом деле нужно молиться одному богу-режиссеру, и квартира со всеми удобствами в этом доме полагается опять же только хозяину-режиссеру. Театр для них — прежде всего то место, которое они преобразуют в идеальное пространство игры.

И Зоя Терехова, и Коля Соловьев, и Ирина Денисова, и Сергей Новиков, и ушедшая из этого театра в «Красный факел» Лидия Байрашевская — каждый из них актер в каком-то особом смысле и значении. Они любят играть не столько свою роль в театре, сколько — в свой театр. Переход от не театра к театру неизбежно возникает на сцене. Вот берет гитару Коля Соловьев, перебирает струны один человек — тихий, смешливый, чуذاковатый, начинает петь и преобразается в долю секунды в другого: слышишь его «Темную ночь» и понимаешь, что так эту песню могли петь в Афгане или на чеченской войне, с озлобленным отчаянием, на разрыв аорты; запоем Зоя Терехова «Матушка, голу-

бушка» за столом между разговором да закуской, и перехватит дыхание, комок в горле, наворачиваются слезы, которые нестыдливо роняешь в тарелку, делая вид, что ловишь вилкой огурец.

Где бы они ни приземлялись, ни присаживались — сразу начинается театр, поэтому сцена есть лишь продолжение того способа жизненного существования, который ими выбран все-раз, поэтому их спектакли отмечены особым духом тоски по карнавалу, нашему, русскому, без Пьеро и Коломбин, без венецианских масок и рассуждений по Бахтину о народно-смеховой культуре. Шутчество их не волевиливо, в таком вот шутчестве — философия жизни. Подсознание такого театра — русский карнавал, который со всей очевидностью явлен в спектакле «Шутки в глухомани», поставленном по пьесе современного новосибирского драматурга Игоря Муренко.

ПИР НА ПОМИНКАХ

Комедия почвенного русского абсурда начинается «весело» — с вести о смерти младшего сына старухи матери. Затем долгие похороны оказываются розыгрышем, хотя все приметы печального церемониала налицо: гроб, венки, а потом и покойничек. Если бы усопший действительно усоп, а близкие родственники в тоске по празднику использовали бы и этот повод, тогда глухомань драматурга Муренко обрела бы испанский колорит мрачного карнавала в стиле Гойи пополам с «Чинзано» Людмилы Петрушевской. В результате бы получился «коктейль Молотова».

Но, к счастью, усопший не усоп, и потому комедия положений, интригой которой управляет розыгрыш, доведена Сергеем Афанасьевым до виртуозной игры режиссера с пьесой. Здесь один розыгрыш наезжает на другой, а чехарда происшествий-«шутки» сводится к неслучайному отнюдь не комедийному, но и не трагическому, а глубоко лирическому событию: каждый хочет быть любимым, как его любили в детстве. А вот умер, тогда маме меня станет жалко. «А вот умру, так посмотрю, как меня жена любит», — так рассуждает псевдопокойник Санька, которому кажется, что его мало любят, и оттого залезает в гроб, чтобы полюбопытствовать, как будут убиваться близкие.

Каждый хочет теплого очага, домашнего стола. Становится ясно, почему залетный гость, известный актер из Москвы, столь прожорлив, никакой это не Стручков, то самозванец из психушки. Ему захотелось «домашнего», скажет он настигшим его в морозную ночь санитару и врачу, кстати, не меньше больного оголодавшим.

Нет никакой поллюбовницы и у старшего брата, письма которой обнаружила его жена. Все это затеял малахольный внучок, чтобы все семейство заставить собраться и через возможную потерю ощутить счастье обладания настоящим: не завтра или вчера, а здесь и сейчас.

По сути, перед нами играется лубочная притча. Кстати, декорации к спектаклю укладываются в несколько сумок. Гроб театр заказывает на месте гастрелей, и сибиряков удивила столичная ритуальная дороговизна.

На сцене — все приметы деревенской избы: домотканые половики, кровать, полати, семейная портретная фотография, искаженная

Режиссер Сергей Афанасьев.

ретушью; сени, обозначенные все теми же ручными дорожками, которые, словно ширмы в детском кукольном театре, то и дело остаются в поле видимости то головы шествующих трагических вестников из города, то ожившего покойника Саньку, который отлучается по нужде из своего добровольного заточения, и т.д. Вся эта кутерьма — тоска по детству, в котором нас баловали, холили и лелеяли, здесь нет плохих и хороших, достойных и недостойных, положительных и отрицательных, умных и глупых. То все люди, забывшие про подлинные праздники души, то-сующие по нежности и любви. Они забавны, смешны и трогательны в малых желаниях, без которых жизнь, впрочем, не жизнь, а человек не вполне человек.

Быть может, оттого для актеров их персонажи, словно детские игрушки, которые они, уже повзрослевшие и постаревшие, перебирают в своем заветном ящике, или актеры, словно родные, что рассматривают своих героев в старом семейном альбоме с любительскими фотографиями, с которых глядят на нас беззащитные перед улыбкой вечности лица, запечатленные благовоющей рукой наивного фотографа-любителя, с молодой, успевшей стать сразу смешной и оттого милой и трогательной.

Вот появляются городские Николай (Н.Соловьев) и Вера (Ирина Денисова). В городской паре тем больше заметно сельское прошлое, чем тщательнее они стараются его скрыть. У Веры отчаянный парик, прикрытый мохеровым шарфом, «гармонирует» с тренировочными брюками. При ней — забытый тощий муж. Только вышли эти два актера на сцену, еще ни слова не произнесли, а ты уже знаешь их героев, видел в вагонах электричек, в сельпо, на пригородных вокзалах. Такой вот неравный брак, в котором Клеопатра предместия, мечтавшая о полковнике, подцепила никудышного мужичонку и облагодетельствовала собой. Николай похож на некормленную дворняжку, которая готова при любой возможности улизнуть к миске. Николаю, правда, нужно другое подкрепление, сорокаградусное. Вера начеку — будут поминки. Ящик доставленной водки Николай не выпускает из рук до тех пор, пока не сядут за стол.

Накануне спектакля актеры по благу предупредили: «Садись в первый ряд».

(Окончание на стр. 15)

Пельмени готовы! Сцена из спектакля «Шутки в глухомани».